

## Мать робенка съела

Жил-был купец, увидел он: жидь-болото народ переходит восемь вёрст, а прямо верста — вóлось. Он и здумал сделать мос. Утром послал своего казака: «Поди сядь пóд мос, слушай, што скажут». Тот пошел и сел. Идёт Господь с апостолом, апостол и скажо: «Господи, што этому рабу будет?» — «У его жона во чреве понесла сына; как выростёт, што запросит, то ему и дам». Казак взял в ум: «Ну я уж не скажу хозеину этих слов». Пришел домой. «Ну што?» — «А шли, да прошли, да сказали: «Спаси, Господи!»»

Жили-пóжили время недолго, купец и видит, жона беременна; ему надо поехать торговать, а жона плацёт. «С кем я останусь, дело не бывало, не рáживала». — «А я тебя с казакком оставлю; не бойся, останься, дело в надежды». Купец и уехал, она и осталась. Жона и занемогла, она лакею и говорит: «Ты иди проць, мне своё времё приходит». Он ушел, она родила, расслабела вся, незамогла, ослабела вся, стала стукать. Казак и пришел, видит, что у ей рожон мальчик. Он взял, у ей в кров губы наморал, а мальчика отнёс проць. Отдал мальчика старухе водицьця — подговорил ранынее, — сам пошел бабки звать. Бабка пришла, а бладэня нету. «Дак это што? Рожениця лежит, а бладэнь-то где? Разве не роженой?» Лакей говорит: «Нет, был мальчик рожон, я видел». — «Хто жо взял?» А он скаже: «Она разве съела, в безчúnьсве была, в тоскáх». И поверили, што съела. Созвали родных, попа. «Хоть котораго дня родила, какое было имё, то и дай, хоть отцю сказать». Поп и дал имя Иваном. И отец приехал, поздоровкался с жоной. «Ну, што ты? Порóзна?» А она скаже: «Ну, да Бог дал, да родить не умела». — «Это-то как же?» — «Да я в тоскáх съела, пока лакей к бабки ходил». — «Можот-ле быть?» — «Ну, да однако некуды делса». И муж согласился. Стали празновать Ивана: родных созовут в памятной день и в имянинной день.

Времё идёт, паренёк у старухи ростёт, лакей и заговорил: «Рощитайте меня, я стар стал, надо на родине помереть». Его и рощитали. Лакей пошел, паренька взял и домой отправился. Шли-шли-шли, шли-шли-шли, шли-шли-шли, пришли к жидкóму месту, прямо итти с полверсты места, а обходить кругом — три. Он ему и говорит: «Вáнюшка, скажи: "Господи! Былó болото, сделайтеь луга"». Паренёк и скаже: «Господи! Былó болото, сделайтеь луга». Луг сделалса зелёной, травлívой, хорошей. Оны по лугу и прошли. И

домой пришол, привёл и парня. Поздоровалса с жоной, она и спрашивает: «Откуль у тебя этот парень?» Он скаже: «Откуль есь, после скажу». Накормили, напоили, оны с жоной в другу половину спать повалились, а Ванюшку в эту, на зень. Мальчик скаже: «Я не повалюсь на зень, холодно, я повалюсь на печьку». Оны и стали говорить, он (лакей) и рассказал всё как было. «Я парня себе и взял, ты его уважай, корми и пой, мы разбогатеет от его». А парень слышит, в ум взял и говорит: «Господи! Была изба, сделайся луга». Жона спит на клоцью, муж на другом, парень на третьём. Парень и заговорил: «Господи! Был лакей, сделайся собака». Собака и стала. Парень собаку взял, да и пошол. Шол, шол, пришол в деревнюшку, выдавалса ночевать. «Нельзя ли мне — собаки в ызбу?» — «А не цё, не напакостит дак». Он собаку в ызбу завёл, сам зашол, оне его посадили ись. «Собаки-то дай, пристала, ись хоцёт». — «Не надь, не надь! Моя собака не ее хлеба, ее горяцё угольё». Оне все и здивовались: «Вот беда-то! На веку не слыхали, штобы собака горяцё уголье ела». — «Вы этта люди пожиты, да не слыхали, а я и молодой, да не слыхал, штобы мать родила — своё отродье съела». — «Ангел! Да вёрст за петнадцеть купчиха родила, да съела. Завтре паметной день будёт, Иваном звали». Он и пошол. Идёт мимо дома, а дом большинской у родителей-то; и он идёт мимо окон, увидали его лакеи и говорят: «Вот идёт молодец со собакой, нужно-ле звать?» — «Чё не звать, кажного званья зовём, пуццай заходит». — «Мне надо собака с собой взять, без собаки нейду». — «Пуццай идёт с собакой». Он и пришол. Собаку положил на лавку. Пир пошол, хозяйка заговорила: «Собака-то ись хоцёт, в глаза гледит, хоть бы цё-небудь да дали». А он говорит: «Нет-нет-нет, не беспокойтесь, моя собака не цё не ее, кроме горэця уголья». Оны все на ноги скочили. «Што ты! Давно ли скотина ее горяци уголья?» — «Ох вы каки, я вам сказал, дак неправда. А вы-то што делайте: што мать родит свое отродье, да съес?» А оны ему все в голос: «Да вот, мы сей день празнуем Ивану: родила хозяйка, да съела». — «А, Господи! Была собака, зделайся лакей». Лакей на ноги и скоцил, хозеину и хозяйке в ноги пал, а сын здоровацьця: «Здраствуйте татынька и маменька! Я ваш сын, а вы мои родители». Оны тут обрадовались, лакея простили, денег дали, да прогнали проць, не бранили, не журили, не ругали.

*(Дементьева Наталья Михайловна)*

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.